

Николай Гоголь и Яким Нахимов (несколько размышлений о «мотиве лужи»)

С. Гардзонио

ПИЗА

Во второй статье о России в «Отечественных записках» В.Г. Белинский подчеркивал значение «бездарного» Сумарокова как обличителя «лихоимства и казнокрадства». Среди последователей сумароковской Музы критик выделял Капниста, Фонвизина («...мимоходом доставалось от него порядком и сутяжничеству») и полузабытого теперь харьковского поэта Нахимова, который «составил себе громкое имя в литературе своего времени постоянным вдохновением против кривосудия». Следующей, более значительной, ступенью данной традиции Белинский считает *Ревизора* Н.В. Гоголя: «В наше время *Ревизор* Гоголя явился истинным бичом этого порока, который, благодаря успехам просвещения и благотворным усилиям правительства, уже прячется в норы и только оттуда осмеливается, и то украдкой, высовывать свою неблагоприятную и непристойную физиономию»¹.

Начертанная связь между Нахимовым и Гоголем – не совсем случайное совпадение. Наоборот, как мне кажется, она указывает на интересную перспективу в исследовании отношений автора *Мертвых душ* с предшествующей малороссийской литературной традицией.

Аким Николаевич Нахимов (1782-1814) – любопытная фигура литератора-сатирика. Питомец Московского университетского благородного пансиона, он печатался в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена» После службы в чине юнкера в Мариупольском гусарском полку, он вернулся в родной Харьков, где окончил только что открытый университет. Там и скончался от чахотки в 1814 году². Его творче-

---

¹ В.Г. Белинский, <Россия до Петра Великого>. *Статья вторая* (1841), в кн. В.Г. Белинский, *Собрание сочинений*, IV, М. 1979, с. 44.

² См. В.П. Степанов, *Нахимов Аким Николаевич*, в кн. *Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь*, т. 4. Москва, 1999, с. 240-242.

ское наследие было, главным образом, напечатано посмертно, но некоторые его творения пользовались большим успехом в рукописной традиции³.

Именно к этому последнему разряду текстов принадлежат самые известные сатирические нападки Нахимова на российскую бюрократию и правосудие. Это, например, его *Элегия*: «Восплачь канцелярист, повыгчик, секретарь, / Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь!», которая принесла Нахимову большую известность по всей России, или его *Предисловие к российской грамматике*, которое поэт читал своим ученикам-чиновникам на курсах для подготовки чиновников к экзаменам для получения чина коллежского ассессора. Нахимов также автор басен и стихотворений, где обличительный пафос поэта развивается в русле приема воплощения человеческих пороков в образе животных: *Письмо приятеля моего, странствующего в чудесном птичьем мире*, *Зверинец* и т. п. Критики уже давно указали на возможное влияние на эти сочинения *Харьковских басен* Григория Сковороды⁴. Связь творчества Нахимова с украинской культурой несомненна, как и несомненна его зависимость от народной словесности, от русского и украинского фольклора, от жанров лубка и вертепа. Эта, вторая, черта помогла проникновению творчества поэта в среду низового читателя, его распространению в рукописной традиции, о чем свидетельствует анонимное письмо, напечатанное в «Украинском вестнике» в 1816 после выхода посмертного издания *Сочинений Акима Нахимова в стихах и прозе*⁵.

Уже эти элементы, – связь с украинской жизнью и культурой, обличение чиновников-грабителей, горькая ирония, зооморфное представление человеческих характеров и т. д., – подсказывают явную параллель с некоторыми элементами творчества Николая Гоголя. Тема эта не простая, требуется провести еще долгие и сложные разыскания как в рукописном русском наследии, так и в историко-литературном изучении биографии и творчества Гоголя. Особенно перспективным было бы изучение стиля и языковых приемов харьковского поэта, его оригинальной техники сочетания просторечья, украинизмов и славянизмов в сравнении с богатейшим словесным миром *Вечеров на хуторе близ Диканьки* и *Миргорода*. Здесь я бы хотел лишь намекнуть на

³ Творчество Акима Николаевича Нахимова (1782-1814) представлено двумя главными посмертными изданиями (Харьков, 1815; Москва, 1822); современному русскому читателю оно доступно благодаря, главным образом, двум изданиям серии «Библиотеки поэта»: первое – *Поэты сатирики конца XVIII-начала XIX века*, подготовленное Г.В. Ермаковой-Битнер (Ленинград, 1959), второе – *Поэты начала XIX века*, подготовленное Ю.М. Лотманом (Ленинград, 1961). О творчестве А. Нахимова см. всушительные статьи к вышеуказанным изданиям. О широком распространении творчества А. Нахимова в первой половине XIX века свидетельствуют многочисленные рукописные сборники его сочинений, ср. И. Лосиевский, *Русская лира Украины. Русские писатели Украины первой четверти XIX века*, Харьков, 1993, с. 125.

⁴ Ср. Г.В. Ермакова-Битнер, *Поэты-сатирики конца XVIII-начала XIX в.*, в кн. *Поэты сатирики конца XVIII-начала XIX века*, цит., с. 43.

⁵ «Украинский вестник», 1816, № 3, с. 392. Об этом письме см. Г.В. Ермакова-Битнер, *Поэты-сатирики конца XVIII-начала XIX в.*, цит., с. 45.

любопытное созвучие между двумя писателями в связи с одним литературным образом-мотивом. Я имею в виду «мотив лужи», который является центральным в известной *Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* (далее ПТ) из сборника *Миргород*.

О возможных реминисценциях из творчества Нахимова в этой повести указал недавно М. Вайскопф в своей интересной книге *Сюжет Гоголя*. Здесь, среди прочего, мы читаем в главе *Болотный город* (т.е. Миргород):

«Гротескная подача городского правосудия, особенно в иро-комических жанрах, часто увязывалась, как в ПТ, с темой загробного или адского судилища (ср., к примеру, загробную бюрократию у Котляревского в «Энеиде», или у А. Нахимова во второй песне «Пурсониады») <...> В России же зловерное, коррумпированное судилище соединяется с мотивом предельного «неблаголепия» и с демоническим (народным, староверческим) образом судебного, нюхающего сатанинское зелье – табак: Облизывается в восторге секретарь / И нюхает табак приказна мелка тварь (Нахимов)»⁶.

В своем анализе ПТ М. Вайскопф развивает давнюю гипотезу Д. Чижевского о типологическом сходстве, если не о генетической зависимости, религиозно-этических взглядов Гоголя и Сковороды. В частности, израильский исследователь указывает на явное противопоставление гоголевского Миргорода Миру-городу Сковороды (перевод слова «Иерусалим» от неверной этимологии: Yerushalayim – ir shalom) и раскрывает интересную и сложную параллель между повестью Гоголя и *Разговором пяти путников о истинном участии в жизни* Г. Сковороды. У Гоголя «разговор о мире» превращается в «повесть о ссоре». В частности, интересно заметить, как в аллегорической притче, рассказанной одним из участников *Разговора* Сковороды, совместное восхождение двух героев, безногого и слепого путников, совершается у Сковороды «от подлости на гору <...> от свинных луж к горным источникам»⁷. Именно свинья и лужа выступают как реалии в гоголевской повести. Что касается, в частности, лужи, особенно в противопоставлении роднику, потоку свежей, текущей воды (в явно духовной метафорике), то она является вместе с болотом древним религиозно-этическим образом, как в античной, так и в библейско-христианской традиции. В общем, данный мотив связывается с христианско-назидательной, мистической литературной традицией и, следовательно, разрабатывался в русле польского и украинского барокко и впоследствии в моралистической литературе русского просвещения. Весь этот

⁶ М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст*, Москва, 1993, с. 222-223. Цитированные стихи принадлежат второй песне *Пурсониады*.

⁷ По мнению Вайскопфа два героя притчи, восходящей к библейским и древнерусским источникам, соотносимы с двумя героями ПТ, особенно с учетом пародийного характера следующего фрагмента: «И если Иван Иванович, который имел глаза чрезвычайно зоркие, первый замечал лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бывает иногда в Миргороде, то всегда говорил Ивану Никифоровичу: «Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здесь нехорошо» см. М. Вайскопф, цит., с. 215-216.

комплекс культурных пластов сильно подействовал на творчество Гоголя и на его религиозно-философскую основу.

Итак, мотив лужи нетрудно найти в разных творениях самого Сковороды, например в *Жабах* из *Харьковских басен*, где честное ремесло противопоставлено бездельному изобилию, как родник высыхающей луже:

«Самии беднейшии рабы раждаются из предков, жителствовавших в луже великих доходов»⁸.

Именно «мотиву лужи» посвящено одно из самых известных стихотворений Акима Нахимова, *Песнь луже* (1810). Данное сочинение, в жанре сатирической поэзии, сочетает литературные, шуточно-пародические настроения с аллегорико-назидательными требованиями. Оно изобилует религиозно-библейскими подтекстами в сочетании с элементами низкой, комической поэзии. Весь текст строится как антитеза-противопоставление в духе барочной поэзии. Аксиологические планы постоянно переворачиваются и меняются.

Пускай иной, потя годы,
С надсадой трубит страшны оды
Ручьям, озерам и морям!
Не море – лужу воспеваю:
Грязь в жемчуг я преобращаю,
Ударив лиры по струнам⁹.

Относительность действительного мира, микрокосмоса и макрокосмоса, отражается в пестро живом чередовании сравнений и отождествлений.

Ручьи нас веселят струями,
Моря приводят в страх волнами,
А лужей брезгует народ <...>
Паши, украшенны щетиной,
Презренною твоею тиною
Не променяются на пух;
За бархат грязь они считают
И в роскоши такой не чают,
Что их готовят под обух.
Ни пред ручьем, ни пред рекою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику в несносный жар
Вода твоя в степи Ливийской
Или в пустыне Аравийской
Небесный кажется нектар...
... И море – лужа, как и ты.

⁸ Г. Сковорода, *Сад божественных песней*, Киев, 1988, с. 130.

⁹ Здесь и дальше *Песнь* цитируется по изданию Г.В. Ермаковой-Битнер, *Поэты-сатирики конца XVIII-начала XIX в.*, в кн. *Поэты сатирики конца XVIII-начала XIX века*, цит., с. 234-236.

Хотя б на дне его лежали
 Блестящий бисер и кораллы,
 Приманчивы для алчных глаз;
 Но что ж! пред мудрыми очами
 Столь почитаемые нами
 Коралл и бисер – та же грязь...

Завершается песнь нравственно-моралистическим высказыванием:

Чей дух ленивый дремлет вечно,
 В том мысль и чувство сердечно
 Как в луже мутная вода;
 И праздности его в награду
 Пороки в нем, подобно гаду,
 Плодятся – множатся всегда!

Учитывая двойственное, противоречивое охарактеризование Миргорода, иронически звучащие, хотя вполне всерьез произносимые восклицания рассказчика («Чудный город Миргород!»), явную соотносимость застойной атмосферы городка, его повседневной жизни, царящей в нем скуки и пошлости с образом лужи, можно на определенном уровне отметить некоторые совпадения между назидательным субстратом повести и стихотворением Нахимова.

Например, созвучие между восклицаниями гоголевского рассказчика о красоте миргородской лужи:

«Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь...»¹⁰

и восприятием лужи у «насекомых» нахимовской оды:

Но насекомы неисчетны,
 Для гордых взоров неприметны,
 Зрят в луже дивный океан
 И в подлых жабах – страшных китов!
 Четвероногих сибаритов
 Ты вместе ванна и диван.

Так выглядят ссоры миргородские, как бури в луже, но для их героев, как для насекомых, это настоящие бури и лужа – океан.

¹⁰ Н.В. Гоголь, *Полное собрание сочинений*, т. 2, *Миргород*, Москва, 1937, с. 244.

Одновременно, эстетический взгляд рассказчика (и печально-ироническое отношение автора) способен уловить всю красоту лужи:

«Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее»¹¹.

Аналогичным образом, поэтический пафос торжественного жанра (и комический тон поэта-сатирика) подчеркивают относительность человеческих чувств и взгляда на жизнь:

Ни пред ручьем, ни пред рекою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику в несносный жар
Вода твоя в степи Ливийской
Или в пустыне Аравийской
Небесный кажется нектар.

Пространством море пусть гордится,
Шумит волнами и стремится
Достигнуть грозной высоты.
В обширности неизмеримой,
Одним весельем обозримой,
И море – лужа, как и ты.

Море – лужа, а лужа – море, вот грустное заключение нахимовской оды, которое прекрасно можно отнести и к гоголевскому Миргороду.

В заключение можно еще отметить, как следующая басня-диалог того же Акима Нахимова *Зеркало и урод* соответствует известной народной пословице, поставленной Гоголем эпиграфом к комедии *Ревизор*: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Урод

Ты, грубое стекло, меня приводишь в стыд.
Так гнусно смеешь ты изображать мой вид?
Будь вежливо: польсти!

Зеркало

Льстить, право, не умею:
Лесть свойственна лисе, собаке и лакею¹².

Это всего лишь несколько примеров, показывающих, что изучение мало-российской литературы начала XIX века обещает открыть многочисленные созвучия и antecedенты великого литературного наследия Н.В. Гоголя.

---

¹¹ Там же.

¹² Цит. по изданию *Поэты начала XIX века*, Вступ. статья, подг. текста и прим. Ю.М. Лотмана, Ленинград, 1961, с. 240.